

3. СОЦИОЛИНГВИСТИКА И ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ; СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 81.923

ОТРАЖЕНИЕ РУССКОГО ХАРАКТЕРА В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ КОНЦЕПТЕ *ОДИНОЧЕСТВО* (НА ПРИМЕРЕ ЭМИГРАНТСКОЙ ПРОЗЫ А. АВЕРЧЕНКО)

Бахича Э. А.

ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова»,
Симферополь, Россия
selnara26@mail.ru

В предлагаемой статье проводится анализ лингвокультурного концепта ОДИНОЧЕСТВО на материале эмигрантской прозы А. Аверченко. Художественный дискурс, анализируемый в статье, апеллирует к историческим и культурным фактам, отражение которых приобретает в тексте определенную культурную коннотацию. Отмечено, что лингвокультурный концепт ОДИНОЧЕСТВО, как антропологически значимый, связан с осмыслением самой сущности человека, его внутреннего мира, имеет высокую социальную и культурную значимость. В русской лингвокультуре связь человека с другими людьми является ценностью. Быть среди своих, быть со своими, мыслить так же, как свои, – желаемая ситуация для русского человека. Отмечено, что лингвокультурный концепт ОДИНОЧЕСТВО связан с осмыслением сущности человека, его внутреннего мира, имеет социальную и культурную значимость. Связь человека с другими людьми в русской лингвокультуре является ценностью. Быть среди своих, быть со своими, мыслить так же, как свои – вот то, к чему стремится русский человек. В представленной работе устанавливаются и противопоставляются семантические компоненты, выделенные на основе проанализированных лексикографического и контекстуального значений. Содержание концепта ОДИНОЧЕСТВО представлено в совокупности понятийного, образного и ценностного слоев. Выявлено, что смысловой каркас анализируемого лингвокультурного концепта представляют его образный и ценностный слои, так как они отражают культурную информацию. Отмечено, что в ценностном слое концепт ОДИНОЧЕСТВО получает имплицитное выражение через актуализацию сем другого концепта – ТОСКА ‘стеснение духа’, ‘томление души’, ‘мучительная грусть’, ‘душевная тревога’, ‘беспокойство’, ‘горе’, ‘печаль’. Проведенный анализ позволяет говорить об особенностях реализации рассматриваемого концепта, культурная информация которого отражается через аксиологическую шкалу «свой – чужой».

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, ‘одиночество’, ‘тоска’, сема, ‘ценность’, русский, аксиологическая шкала «свой – чужой».

ВВЕДЕНИЕ

В лингвокультурологии особое место занимает исследование проблем отражения в языке эмоционального состояния человека. В постоянно изменяющемся

мире сознание человека отражает объекты окружающей действительности, которые, преображаясь, вызывают у него те или иные эмоциональные переживания. Эмоции и чувства занимают в жизни человека особое место. По мнению ученых С. Г. Воркачева [3], В. В. Карасика [6], Ю. С. Степанова [11], язык является проводником в ментальный мир человека, в его культуру. В научных трудах Г. Ю. Богданович [1; 2], А. С. Гагарина [4], Ю. Л. Гончаровой [5], Л. А. Петровой [9; 10], и др. отмечено, что эмоциональное переживание, являющееся одной из составляющих ментального мира человека, способно отражать не только психическую и социальную, но и культурную информацию. По словам А. С. Гагарина, чувства человека обладают культурной спецификой. Они совершенствуются, развиваются: «непосредственные чувства превращаются в высшие чувства, относящиеся к духовным ценностям и идеалам» [4, с. 35].

Г. Ю. Богданович подчеркивает, что ментальные и концептуальные свойства языка, проявленные в языковых знаках и формах речевой деятельности, определяются жизнью социума, имеют когнитивную и культурно-национальную специфику [1]. По мнению ученого, «язык – зеркало окружающего мира, он отражает действительность и создает свою картину мира, специфичную и уникальную для каждого языка и, соответственно, народа, этнической группы, речевого коллектива, пользующегося данным языком как средством общения» [2, с. 179]. В качестве основных структурных элементов жизни социума, национального менталитета, кроме языка и социальных представлений, могут рассматриваться коллективная память, эмоции и настроения, коллективные чувства.

Чувства, в частности одиночество, носят лингвокультурный характер. Ю. Л. Гончарова отмечает, что «чувства имеют разное содержание и способы выражения в разные исторические эпохи, в разных социумах, в разных его слоях. Наибольшее распространение и наиболее ярко выраженное негативное воздействие одиночества отмечается в русской лингвокультуре» [5, с. 13].

Цель статьи – проанализировать концепт ОДИНОЧЕСТВО в рассказах А. Аверченко.

Материалом исследования являются сборники рассказов А. Аверченко «Записки Простодушного», «Нечистая сила», «Смешное в страшном», «Чудеса в решете».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Лингвокультурный подход к исследованию и пониманию концепта заключается в признании его базовой единицей культуры. Л. А. Петрова отмечает, что «декодирование актуального смысла языковых знаков позволяет выявить сведения лингвокультурологического характера» [9, с. 134]. Как пишет В. В. Карасик, «концепт – это многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [6, с. 56].

Ю.С. Степанов характеризует концепт как «то, посредством чего культура входит в ментальный мир человека, и, с другой стороны, посредством чего – обычный человек, не «творец культурных ценностей», – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [11, с. 43]. Главным компонентом лингвокультурного концепта является его ценностный слой, поскольку в основе культуры лежит ценностный принцип. Поэтому лингвокультурный концепт можно рассматривать, по С.Г. Воркачеву, как «единицу художественной картины мира, элементами которой являются культурные ценности и нормы» [2, с. 43].

Связь человека с другими людьми является ценностью в русской лингвокультуре. Быть среди своих, быть со своими, мыслить так же, как свои, – вот то, к чему стремится русский человек. Изолированность от других «своих» людей, одиночество, физическое, психологическое и социальное, становится антиценностью в русской культуре. Отсюда возникают языковые оппозиции: семья – одинокий человек; община – изгой; общество – отшельник; коллектив – индивидуалист и др.

Лингвокультурный концепт ОДИНОЧЕСТВО, являясь антропологически значимым, связан с осмыслением сущности человека, его внутреннего мира, имеет как социальную, так и культурную значимость. В рассказах А. Аверченко, которые выглядят весьма юмористично на первый взгляд, на фоне предшествующих эмиграции автора событий (Первой мировой войны, Октябрьской социалистической

революции, Гражданской войны) по-разному представлен феномен одиночества и ассоциирован преимущественно с его негативным восприятием.

Выделим основное содержание концепта ОДИНОЧЕСТВО, которое заключается в следующих характеристиках:

- понятийную сторону данного концепта составляет совокупность признаков:

- а) физическое состояние человека (остаться одному в количественном смысле; отсутствие контактов с окружающими людьми);

- б) психическое состояние человека (неудовлетворенность индивидуума качеством существующих контактов);

- образную сторону этого концепта представляют ассоциации одиночества с рядом субстанций – тоской, страхом, тюрьмой, печалью, горестью и др. (одиночество в этом случае может иметь звуковые характеристики, вкус, запах, цвет и др.); специфически русскими являются ассоциации одиночества с гробом, омутом, болотом, туманом;

- ценностную сторону этого концепта составляет отрицательно-оценочное отношение человека к чувству одиночества.

Социальное одиночество героя А. Аверченко, представленное в образном и ценностном слое лингвокультурного концепта, становится причиной глубокого конфликта человека и общества. По словам Ю. Кучерявых, аксиология государства противопоставляются аксиологии народа и личности сатирика [7]. Несогласие писателя с новыми устоями привело его к одиночеству психологическому, социальному, культурному. Особенно ярко проявилось это чувство на чужбине.

Для выявления культурно специфических признаков концепта ОДИНОЧЕСТВО обратимся к словарному толкованию лексемы *одиночество*.

По данным толковых словарей Д. Н. Ушакова и С. И. Ожегова, *одиночество* ‘состояние одинокого человека’. В БАС кроме первого значения (*одиночество* ‘положение, состояние одинокого человека’) отмечено и второе – *одиночество 2* ‘пребывание в таком положении, состоянии’.

Толкование лексемы представляет собой, прежде всего, определение категориального порядка: одиночество – это состояние одинокого человека.

Состояние в данном случае может быть истолковано тройко: и как физическое (пребывание в количестве одного), и как социальное (без семьи), и как внутреннее, психическое (пребывание в определенном расположении духа, чувство) – лексема *одиночество* способна передавать в контексте смыслы каждого из перечисленных типов [12; 14; 15].

В рассказах сатирика физическое одиночество (пребывание в количестве одного) влечет за собой и одиночество психологическое (пребывание в определенном расположении духа): *«Иногда мы, большие, взрослые люди, бородатые, усатые, суровые, с печатью важности на лице, вдруг ни с того ни с сего становимся жалкими, беспомощными, готовыми расплакаться от того, что мама уехала в гости, а нянька ушла со двора, оставив нас в ОДИНОЧЕСТВЕ в большой полутемной комнате»* (Семь часов вечера).

Лексема *одиночество* передает в контексте смыслы физического и психологического одиночества. Физическое выражено через парадигмы, которые объединены семами ‘пребывание в количестве одного’ – *«мама уехала в гости, нянька ушла со двора, остаться в большой полутемной комнате»*. При таких обстоятельствах только ребенок почувствует одиночество, страх и печаль. Одиноким ребенок (а он не один, рядом такие же дети) оказывается во власти *большой, полутемной комнаты*, комнаты без взрослых. Такие же печаль, страх и одиночество испытывает взрослый. Но взрослый не в физическом смысле остается один, а в психологическом. Парадигма адъективов *бородатые, усатые, суровые* противопоставлена адъективной парадигме *жалкие, беспомощные, готовые расплакаться*. Данные парадигмы можно представить в аксиологической шкале «защищенный – беззащитный». Таким образом, физическое и психологическое одиночество противопоставлены друг другу.

Далее, развитие понятийного слоя концепта ОДИНОЧЕСТВО происходит по схеме градации: психологическое одиночество нарастает: *«Жалко нам себя, тоскливо до слез, и кажется нам, что мы ОДИНОКИ и брошены в этом странно молчащем мире, ограниченном четырьмя сумрачными стенами»* (Семь часов вечера). Адъективы *молчащий, ограниченный, сумрачный*, объединенные отрицательной

коннотацией с семей 'ограничение', затрудняют действия и мысли человека. Такие ограничения приводят к жалости к себе, к тоске до слез. Человек испытывает одиночество, которое ведет к безысходности, заброшенности в этом странно молчащем мире: *«Почему-то это бывает в сумерки праздничного дня, когда все домашние разбредаются в гости или на прогулку, а вы остались ОДИН и долго сидите так, без всякого дела. Забившись в темный угол комнаты и остановив пристальный взгляд на двух светло-серых четырехугольниках окон, сидите вы с застывшими, как холодная лава, мыслями – тихий, покорный и бесконечно ОДИНОКИЙ»* (Семь часов вечера).

Психологическое состояние неудовлетворенности, дисгармонии, неуверенности, влияющее на взаимодействие субъекта с внешним и внутренним миром, порождает чувства страха, тоски, грусти, страдания, безысходности. Отрицательные коннотации, содержащиеся в адъективах *темный, пристальный, застывший, холодный*, противопоставлены положительным коннотациям в лексемах *тихий, покорный*. Борьба против одиночества физического и психологического приводит к покорности, тишине, смирению. Такое состояние человека всегда индивидуально. Русский человек, испытывая физическое одиночество (*«забившись в темный угол комнаты и остановив пристальный взгляд на двух светло-серых четырехугольниках окон»*), переживает и психологическое: боль, страх, тоску. Он принимает все проявления одиночества (*тихий, покорный и бесконечно одинокий*), смиряется и даже приспособливается. Одиночество как символ застывшей грусти превращается в звуки, аккомпанемент, музыку. Данные лексемы имеют положительные коннотации, так как музыка как 'искусство, в котором переживания, настроения, идеи выражаются в сочетаниях ритмически-организованных звуков и тонов' – это живое, надежда, это жизнь.

Таким образом, ядро концепта ОДИНОЧЕСТВО представлено понятийным слоем, в котором отражены признаки отдельности человека, отсутствия связей с другими людьми. Физическое одиночество переходит в психологическое. Такая трансформация может быть отражена градационно: человек один в количественном

смысле – человек один наедине со своими мыслями – человек смиряется со своими мыслями об одиночестве – человек принимает одиночество.

Концептуальная схема лингвокультурного концепта ОДИНОЧЕСТВО включает кроме проанализированного понятийного слоя, содержащего общую информацию о наиболее существенных признаках концепта, еще образный и ценностный слои. В художественном дискурсе, как отмечает Л. А. Петрова, при выделении образного и ценностного слоев актуальным становится такой признак, как принадлежность автору-творцу. Содержание данных слоев выполняет функцию смыслового каркаса концепта, так как они отражают культурную информацию [10].

В образном слое одиночество может иметь звуковые характеристики (одиночество – музыка), вкус (горькое одиночество), цвет (светло-серое одиночество) и др. Одиночество в образе рыхлой могильной земли предстает как безысходность: *«Я погасил огни, упал ничком на диван, закусил зубами угол подушки, и ОДИНОЧЕСТВО – уже грозное и суровое, как рыхлая могильная земля, осыпаясь, покрывает гроб – осыпалось и покрыло меня»* (Семь часов вечера). Адъективы *грозное и суровое* олицетворяют одиночество, делают его живым, сильным.

Одиночество как одно из ярких воплощений боли, страха, печали предстает в образе тюрьмы: *«Действительно: на унылой тюремной стене моей камеры я увидел обыкновенную муху. Она сидела и терла передними лапками у себя над головкой. Милая муха! Ты будешь моим товарищем... Ты скрасишь мое одиночество»* (Записки заключенного). Тюрьма – ‘лишение свободы’ не только в физическом плане, но и в психологическом. Человек готов ухаживать за обыкновенной мухой, лишь бы избежать одиночества. Лексемы *милая, скрасишь, будешь товарищем* содержат положительные коннотации, привносящие надежду.

Исследователь жизни и творчества А. Аверченко В. Миленко отмечает, что в эмиграции русский человек сталкивается и с болью, и со страхами, с тревогой и печалью. Он там не один русский, но чувствует душасщее его одиночество. Эмигрантская проза принизана одиночеством, тоской по Родине [8]. Крик одинокой души, заключенный в простых словах, раздается повсюду: *«Если вы порядочные люди, дайте комнату одинокому!»* (Русский в Европах). Адъектив *одинокому*

показывает, что эмигрант одинок не столько физически, сколько психологически. Эмигрант, имеющий на родине крышу над головой, на чужбине оказывается без крова. Противопоставление старой и новой жизни выражено в трансформации физического одиночества в психологическое.

При помощи противопоставления А. Аверченко изображает человека старой России, человека, имеющего единомышленников, и нового одинокого человека: *«И долго еще в опустевшем курзале, когда все постепенно на цыпочках разошлись – долго еще разносились стоны и рыдания полупьяного **одинокого** человека, в своем настоящем трезвом виде и еще более непонятного в пьяном...»* (Русский в Европах). Языковые единицы *непонятного*, *униженного* тесно связаны с понятием *одиночество*. Адъективы *униженный* ‘угнетённый несчастьями, обидами’, *непонятный* ‘странный, загадочный’ представляют отрицательные коннотации. Контекст эксплицирует культурный фон, обстановку, сложившуюся в то трагическое время, которая отражает состояние одинокого человека: если человек одинок, значит, он может быть унижен, не понят, отвергнут обществом. Оказавшись на чужбине, на том «необитаемом острове», человек не только не может найти «другого человека», поддержавшего его, он не может сам оставаться человеком. Разрушение устоев жизни, а тем самым и изменение характера человека, происходит в результате такого «одиночества», к которому приводит революция.

В ценностном слое концепт ОДИНОЧЕСТВО имплицитно выражается через актуализацию сем другого концепта – ТОСКА. По данным толковых словарей русского языка, слово *тоска* имеет следующие значения: «стеснение духа, томление души, мучительная грусть; душевная тревога, беспокойство, боязнь, скука; горе, печаль, нойка сердца, скорбь» [13]. Традиционные для русской культуры значения актуализируются в ценностном слое лингвокультурного концепта ТОСКА: *«Поймете ли вы ТОСКУ души моей?! Сумеете ли заглянуть в бездну хаотической первозданной души славянской»* (Русский в Европах). Тоска писателя по родине выражена в описании его души, в адъективах *бездонная*, *хаотическая*, *первозданная*, *славянская*. Душа славянская, несмотря на ее бездонность, вместительность, широту, претерпевает изменения. Боль, страх одиночества, тоска по родине приводят к

тесноте в душе, тесноте на чужбине: «Сволочи эти большевики! Какого черта из-за них я должен болтаться тут в турецкой ночлежке?! Кто я есть? Я есть русский человек! Значит, я должен жить в России» (Тоска по родине). Сема безысходности актуализируется в синтагме *турецкая ночлежка*, где ночлежка (**не ночлег**) – это **‘небольшое помещение для ночлега, не всегда уютное и просторное’**. Здесь **имплицитно выражены семы** ‘стеснение духа’, ‘томление души’, ‘мучительная грусть’.

Чувство ничтожности бытия русского человека за границей тонко передается А. Аверченко через воспоминания эмигрантов о природных явлениях русской жизни. На фоне дождливой константинопольской погоды ночлежники тоскуют о русских морозах и русском снеге: «Хороши снега у нас в Москве! Нормальные. Полозья скрипят, бубенцы на ванькиных клячах звенят. Вот жилось! Я раз это от Курского вокзала в Газетный переулок ездил – два пальца отморозил. Вот это была жизнь! Не жизнь, а масленица» (Тоска по родине). В синтагмах *вот жилось, была жизнь* отражены тоска по родине, тоска по крепким устоям. Жизнь на родине сатирик уподобляет празднику – Масленице.

На основе противопоставления сатирик представляет природные явления в чужом краю и на родине: «Нет, у нас в России – вот это дождь!.. Как маханет тебя – так либо ревматизм, либо насморк на три недели!.. Хорошо жить там, и нету другого такого подобного государства» (Тоска по родине). Силу, крепость русского характера писатель отображает через описание природных явлений. Крепкий мороз (*два пальца отморозил*), сильный проливной дождь (*так либо ревматизм, либо насморк на три недели*), которые с тоской и восхищением вспоминают эмигранты, не сломят русского человека. В синтагмах *хорошо жить там и нету другого такого подобного государства* актуализируются семы ‘мучительная грусть’, ‘душевная тревога’, ‘беспокойство’.

Актуализация концепта ТОСКА происходит на базе сравнения русской и чужой культур. На чужбине стали особенно заметными некоторые черты русского национального характера, его яркие отличия не только от турецкого, но и от родственного по славянскому духу – чешского: «Да, мы, русские, больше к русскому

привыкши. Какая тут в Константинополишке была Пасха? Греческая мизерия! А там, – как колокола зальются, забухают, залепечут – век бы слушал! Хорошие времена...» (Тоска по родине). В словосочетании *русские к русскому привыкши* отражена вся широта русской души. Русским характерно максимальное принятие действительности. Глаголы в номинации *колокола зальются, забухают, залепечут* отражают многоликость, разнообразие, звучность русского характера. Эту звучность с тоской вспоминают эмигранты, оценивая ее как *хорошие времена*.

Но русскому характеру свойственно приспосабливаться к печальным обстоятельствам, находить положительное в плохом, смеяться, пускай даже сквозь слезы: *«Больше того, – смеяться должно. Потому что у нас один выбор: или пойти с ТОСКИ повеситься на крючке от украденной иконы, или – весело, рассыпчато рассмеяться»* (Тоска по родине). Сатирик представляет тоску в двух ипостасях: смерть и смех. Русский человек выбирает смех, веселый, рассыпчатый ('легко рассыпающийся, легко крошащийся'). Частица такого смеха легко достанется каждому, и каждый со смирением примет ту тоску и одиночество и будет жить с глубокой верой в светлое будущее: *«Петербуржцы! Не плачьте! И для нас когда-нибудь небо будет в алмазах! И мы вернемся на свои места!.. Ибо все мы, вместе взятые, – тот ансамбль, без которого немислима живая жизнь!!»* (Люди – братья).

ВЫВОДЫ

Основное содержание концепта ОДИНОЧЕСТВО в художественной картине мира А. Аверченко заключается в следующем:

- понятийную сторону данного концепта составляет совокупность признаков физического и психического одиночества, которые отображаются в эмоционально-психологическом состоянии неудовлетворенности, неуверенности в завтрашнем дне, влияющем на взаимодействие субъекта с внешним и внутренним миром. Такое состояние порождает чувство страха, тоски, грусти, страдания, безысходности;

- образную сторону концепта формируют ассоциации с тюрьмой, могильной землей, гробом, полным отсутствием света; одиночество имеет звучание (музыка), консистенцию (рыхлое);

• ценностную сторону концепта составляет отрицательно-оценочное отношение русского человека к чувству одиночества. В ценностном слое концепт ОДИНОЧЕСТВО имплицитно выражается через актуализацию сем другого концепта – ТОСКА ‘стеснение духа’, ‘томление души’, ‘мучительная грусть’, ‘душевная тревога’, ‘беспокойство’, ‘горе’, ‘печаль’. Ценностный слой содержит культурную информацию, которая отражается через аксиологическую шкалу «свой – чужой».

Список литературы

1. Богданович, Г. Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии [Текст] / Г. Ю. Богданович. – Симферополь : Оджакъ, 2015. – 296 с.
2. Богданович, Г. Ю. Лингвистическая ситуация в Крыму: межкультурное славянское взаимодействие языков [Текст] / Г. Ю. Богданович, В. И. Димитрова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – 2019. – Том 5 (71). – № 2. – С. 178–191.
3. Воркачев, С. Г. Лингвокультурный концепт : типология и области бытования [Текст] / С. Г. Воркачев. – Волгоград : ВолГУ, 2007. – 400 с.
4. Гагарин, А. С. Экзистенциалы человеческого бытия – одиночество, смерть, страх (от античности до Нового времени). Историко-философский аспект [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / А. С. Гагарин. – Екатеринбург, 2002. – 47 с.
5. Гончарова, Ю. Л. Слова-названия эмоций в когнитивном аспекте [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. Л. Гончарова. – Ростов-на-Дону, 2003. – 20 с.
6. Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепт, дискурс : монография [Текст] / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
7. Кучерявых, Ю. Н. Языковая игра в художественных текстах А. Т. Аверченко : прагматические характеристики и структурно-семантические формы реализации [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Ю. Н. Кучерявых. – Краснодар, 2019. – 202 с.
8. Миленко, В. Аркадий Аверченко [Текст] / В. Миленко. – М. : Молодая гвардия, 2010. – 215 с.

9. Петрова, Л. А. Декодирование актуального смысла в структуре текста [Текст] / Л. А. Петрова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – Том 1 (67). – № 3. – 2015. – С. 134–137.
10. Петрова, Л. А. Социокультурные факторы в художественной картине мира писателей-сатириконовцев [Текст] / Л. А. Петрова // Мова і культура. – Т. IV. Ч. 2. Лінгвокультурологічна інтерпретація тексту. – К. : Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2004. – С. 172–177.
11. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования [Текст] / Ю. С. Степанов. – М., 1997. – 824 с.

Словари

12. Большой толковый словарь русского языка : [БТС : А-Я] [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2004. – 1534 с.
13. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. [Текст] / В. И. Даль. – М. : Терра, 1991–1996.
14. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
15. Толковый словарь русского языка [Текст] / под ред. Д. Н. Ушакова : в 4-х т. – М.–Л. : Сов. энциклопедия; ОГИЗ. – Т. 4, 1940. – 1502 стб.

Художественная литература

16. Аверченко, А. Т. Собрание сочинений в 13 томах [Текст] / А. Т. Аверченко ; ред., вступ. ст. С. Николенко. – М. : Издательство Дмитрий Сенчин, 2012–2015.
17. Аверченко, А. Т. Записки простодушного [Электронный ресурс] / Аркадий Тимофеевич Аверченко. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/averchenko/averchenko_zapiski_prostodushnogo.html.

18. Аверченко, А. Т. Нечистая сила [Электронный ресурс] / Аркадий Тимофеевич Аверченко. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/averchenko/averchenko_nechistaya_sila.html.
19. Аверченко, А. Т. Смешное в страшном [Электронный ресурс] / Аркадий Тимофеевич Аверченко. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/averchenko/averchenko_smeshnoe_v_strashnom.html.

References

1. Bogdanovich G. Yu. *Russkii Yazyk v Aspekte Problem Lingvokul'turologii* [The Russian Language in the Aspect of Problems of Linguoculturology]. Simferopol, 2015. 296 p.
2. Bogdanovich G. Yu., Dimitrova V. I. *Lingvisticheskaya Situatsiya v Krymu: Mezhkul'turnoe Slavyanskoe Vzaimodeistvie Yazykov* [Linguocultural Situation in The Crimea: Intercultural Interaction of Slavic Languages]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie Nauki. Nauchnyi Zhurnal*, 2019, Vol. 2, pp. 178–191.
3. Vorkachev S. G. *Lingvokul'turnyi Kontsept: Tipologiya i Oblasti Bytovaniya* [Linguocultural Concept: Typology and Areas of Existence]. Volgograd, 2007. 400 p.
4. Gagarin A. S. *Ekzistentsialy Chelovecheskogo Bytiya – Odinochestvo, Smert', Strakh (Ot Antichnosti do Novogo Vremeni)* [Existentials of Human Existence – Loneliness, Death, and Fear (From Antiquity to Modern Times)]. Ekaterinburg, 2002. 47 p.
5. Goncharova Y. L. *Slova-Nazvaniya Emotsii v Kognitivnom Aspekte* [Words-Names of Emotions in the Cognitive Aspect]. Rostov-na-Donu, 2003. 20 p.
6. Karasik V. I. *Yazykovoii Krug: Lichnost', Kontsept, Diskurs* [Language Circle. Personality, Concept, and Discourse]. Volgograd: Peremena Publ., 2002. 477 p.
7. Kucheryavykh Yu. N. *Yazykovaya Igra v Khudozhestvennykh Tekstakh A. T. Averchenko: Pragmaticheskie Kharakteristiki i Strukturnosemanticheskie Formy Realizatsii* [Language Play in Artistic Texts by A.T. Averchenko. Pragmatic Characteristics and Structural Semantic Forms of Implementation]. Krasnodar, 2019. 202 p.

8. Milenko V. *Arkadii Averchenko* [Arkady Averchenko]. Moscow, 2010. 215 p.
9. Petrova L. A. *Dekodirovanie Aktual'nogo Smysla v Strukture Teksta* [Decoding the Actual Meaning in the Text Structure]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie Nauki. Nauchnyi Zhurnal*, 2015, Vol. 1 (67), no 3, pp. 134–137.
10. Petrova L. A. *Sotsiokul'turnye Faktory v Khudozhestvennoi Kartine Mira Pisatelei-Satirikonovtsev* [Social Cultural Factors in the Artistic Picture of the World of the Satirikonovtsy Writers]. *Mova i Kul'tura*. Kiev, 2004, pp. 172–177.
11. Stepanov Yu. S. *Konstanty. Slovar' Russkoi Kul'tury. Opyt Issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian Culture. Research Experience]. Moscow, 1997. 824 p.

Dictionaries

12. *Bol'shoi Tolkovyi Slovar Russkogo Yazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Spb: Norint Publ., 2004. 534 p.
13. Dal Vladimir. *Tolkovyi Slovar Zhivogo Velikorusskogo Yazyka: v 4 Tomakh. Tom 1* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language in 4 Volumes. Vol. 1]. Moscow: Terra Publ., 1991 – 1996. 701 p.
14. Ozhegov S. I. *Tolkovyi Slovar Russkogo Yazyka: 80 000 Slova i Frazeologicheskikh Vyrazhenii* [Explanatory Dictionary of the Russian Language. 80000 Words and Phraseological Expressions]. Moscow: Azbukovnik Publ., 1999. 944 p.
15. *Tolkovyi Slovar Russkogo Yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya; OGIZ Publ., Vol. 4, 1940.

Fiction

16. Averchenko A. T. *Sobranie Sochinenii v 13 Tomakh* [The Collected Works in 13 Volumes]. Ed. and intr. by S. Nikolenko. Moscow : Izdatelstvo Dmitrii Senchin, 2012–2015.
17. Averchenko A. T. *Zapiski Prostodushnogo* [Simple Man's Notes]. Available at: http://dugward.ru/library/averchenko/averchenko_zapiski_prostodushnogo.html.

18. Averchenko A. T. *Nechistaya Sila* [Devilry]. Available at:
http://dugward.ru/library/averchenko/averchenko_nechistaya_sila.html.
19. Averchenko A. T. *Smeshnoe v Strashnom* [Funny within Scary]. Available at:
http://dugward.ru/library/averchenko/averchenko_smeshnoe_v_strashnom.html.

**REFLECTION OF THE RUSSIAN CHARACTER
IN THE CULTURAL CONCEPT OF LONELINESS
(ON THE EXAMPLE OF A. AVERCHENKO'S EMIGRANT PROSE)**

Bahicha E. A.

The article analyzes the linguistic and cultural concept of LONELINESS based on the material of A. Averchenko's emigrant prose. The artistic discourse analyzed and considered in the article appeals to historical and cultural facts and realities, the reflection of which acquires a certain cultural connotation in the text. It is noted that the cultural concept of LONELINESS, as anthropologically significant, is associated with the understanding of the very essence of a person, his inner world, has a high social and cultural significance. In Russian culture, a person's connection with other people is a value. To be among your own, to be with your own, to think like your own – a desirable situation for a Russian person. In the presented work, semantic components are identified and contrasted based on the analyzed lexicographic and contextual meanings. The main content of the concept of LONELINESS is presented in a combination of conceptual, figurative and value layers. It is revealed that the semantic framework of the analyzed linguistic and cultural concept is represented by its image and value layers, since they reflect cultural information. It is noted that in the value layer, the concept of LONELINESS receives implicit expression through the actualization of this other concept – LONGING – ‘constraint of the spirit’, ‘longing of the soul’, ‘painful sadness’, ‘mental anxiety’, ‘worry’, ‘grief’, ‘sadness’. The analysis allows to speak about the features of the implementation of the concept under consideration, the cultural information of which is reflected through the axiological scale “friend – foe”.

Keywords: linguistic and cultural concept, loneliness, longing, Arkady Averchenko, value, Russian, axiological scale “friend – foe”.